

ГЛАВА 1

Тут вряд ли обманешься, Париж и был *тем самым* местом.

Уже пятнадцать лет, как Сильвия стремилась вернуться сюда, еще с той далекой поры, когда семейство Бич покинуло город, — тогда ее отец, Сильвестр, был пастором Американской церкви в Латинском квартале, а сама она — полной грез девчонкой-подростком, которая никак не могла пресытиться Бальзаком и кассуле. Что запомнилось ей вернее всего и что она хранила в сердце, когда семье пришлось вернуться в Соединенные Штаты, так это ощущение, будто французская столица способна затмить своим блеском любой из городов, какие она повидала или повидает в будущем. Но не сверкающий свет газовых фонарей, которые город зажигал с наступлением темноты, был тому причиной, и не сияние белого камня, одевающего стены городских зданий, — нет, блеск Парижу придавало кипение его жизни, она журчала в каждом его фонтане, искрилась в каждой студенческой пирушке, в каждом кукольном представлении в Люксембургском саду и в каждой опере на сцене театра «Одеон». И еще то, как искрилась жизнью мать Сильвии, как увлеченно она читала книги, принимала у себя профессоров, политиков и актеров, подавая им дорогие блюда, блистающие при

свете свечей, на званых обедах, за которыми не иссякали оживленные споры о литературе и мировых событиях. Недаром Элеанора Бич говорила своим трем дочерям — Киприан, Сильвии и Холли, — что они живут в самом редкостном и восхитительном из всех мест на свете и что этот город непременно и навсегда изменит их судьбы.

Ничто прежде не шло в сравнение с парижской жизнью: ни как они с сестрами и матерью рисовали плакаты, обзванивали и обходили нью-йоркские дома с агитацией за Национальную женскую партию* в Нью-Йорке; ни путешествия Сильвии в одиночку по Европе, где она упивалась красотой шпилей и брусчатых мостовых; ни ее первый долгожданный поцелуй с одноклассницей Джеммой Бредфорд; ни похвалы из уст любимых учителей.

Но теперь она здесь и наяву *живет* в городе, давно уже пленившем ее душу.

Из комнат, что она делила с Киприан в потрясающем великолепии, пускай и осыпавшемся Пале-Рояле, Сильвия спустилась к мосту Пон-Нёф и перешла на тот берег Сены, вдыхая ветер с реки, хлеставший остриженными прядями ее волос по лицу и норовивший затушить ее сигарету. Посередине моста она остановилась, чтобы оглянуться на восток и восхититься громадой собора Нотр-Дам-де-Пари с его симметричными готическими башнями по обе стороны от витражного окна-розы и изящными, такими непрочными на вид контрфорсами, чья мощь по-прежнему ошеломляла ее, — умудряются же они на протяжении веков поддерживать эти исполинские стены.

Вскоре она углубилась в узенькие улочки Латинского квартала, знакомые ей со времен, когда она бродила здесь в нежном отрочестве. Теперь она немного заблудилась, но так было даже лучше, потому что у нее появился повод

---

* Созданная в 1916 году Национальная женская партия прежде всего боролась за принятие конституционной поправки, гарантирующей женщинам избирательное право на всей территории Соединенных Штатов. Распущена 1 января 2021 года. *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

полюбоваться церковью Сен-Жермен-де-Пре и спросить дорогу у милостивой студентки-француженки, попивающей кофе со сливками за столиком на тротуаре перед кафе «Дё маго». Наконец Сильвия остановилась у дома 7 по улице Одеон, где располагалась книжная лавка А. Монье.

Фасад магазинчика мадам — или, *peut être**, мадемуазель? — Монье был выкрашен в приятный глазу оттенок серого, над большими витринными окнами бледными буквами было выведено имя владелицы. Сильвия толкнула дверь, и над нею приветливо звякнул колокольчик. Горстка посетителей терялась среди полок, высившихся от пола до самого потолка и плотно уставленных книгами; люди читали их или просматривали корешки, но никто не разговаривал, поэтому здесь царил безмолвие, какое бывает в пустой церкви. Вдруг почувствовав смущение и не решившись задать вопрос, Сильвия огляделась по сторонам и решила с ним повременить.

И очень хорошо сделала, потому что обнаружила на полках чудесные издания своих любимых французских романов и почти целиком прочитала короткий рассказ в последнем выпуске «Вер э проз»** к тому моменту, как атмосфера лавки ожила. Посетителям со звоном и лязгом пробивали покупки, в магазин зашли две-три пары пословоохотливее, и помещение наполнилось звуками.

Вытащив с полки книгу, которую она решила купить вместе с заинтересовавшим ее номером журнала, Сильвия подошла к столу, где громоздился латунный кассовый аппарат, а за ним стояла необыкновенная молодая женщина примерно ее лет. Улыбчивые, изящной формы губы, средиземноморской голубизны глаза и разительный контраст белейшей кожи с волосами цвета воронова крыла невольно приковывали взгляд. В голове у Сильвии

---

* Быть может (*франц.*).

** *Vers et Prose* — литературный журнал (1905—1914), был основан и издавался французским поэтом, реформатором литературы и представителем символизма Полем Фором вместе с Гийомом Аполлинером; публиковал произведения Поля Валери и других значимых поэтов-символистов.

тут же зазвучал едкий голосок Киприан, которая непременно раскритиковала бы старомодный наряд этой женщины: юбку до пят и застегнутую на все пуговицы блузу, нарочито скромную, едва скрывающую спрятанную под ними соблазнительную фигуру, — ну и пускай, зато Сильвии в ней нравилось все. Она казалась той, с кем можно поговорить. Правда, было в ней и что-то такое особенное, отчего Сильвию охватило сильнейшее желание погладить ее бархатистую щеку.

— Ну что, нашли вы... предмет своих желаний? — спросила она Сильвию, выговаривая английские слова с сильным акцентом.

— Предмет моих желаний? — Сильвия улыбнулась истинно французской пылкости в простом вопросе молодой женщины и ответила ей по-французски: — Да, нашла, хотя я огорчена, ведь вы сразу распознали, что я не француженка.

Сильвия обладала хорошими способностями к языкам и бегло изъяснялась на трех. И была вознаграждена тем, какое впечатление ее французское произношение, судя по всему, произвело на женщину.

— Откуда вы? — спросила та, на сей раз по-французски, употребив церемонное *vous*.

— Из Соединенных Штатов. Если точнее, из Принстона в штате Нью-Джерси, это недалеко от Нью-Йорка. И кстати, меня зовут Сильвия. Сильвия Бич.

Молодая женщина захлопала в ладоши и воскликнула:

— О, *Les États-Unis!** Родина Бенджамина Франклина! А ведь он мой любимчик! Я Адриенна Монье.

Сильвия даже рассмеялась от того, как идеально дополняло образ этой прелестной девушки в старомодных одеждах восхищение отцом-основателем, которого так высоко ставила и она сама. И конечно же, перед ней мадемуазель, а совсем не мадам.

— Рада знакомству, мадемуазель Монье. У вас замечательный магазин, особенный. И да, я тоже поклонница

---

* Соединенные Штаты (франц.).

Бена Франклина, — призналась Сильвия. — А из Готорна вы что-нибудь читали? Или Торо?* А «Моби Дика»? Это один из моих любимых романов.

И они разговорились. Сильвия узнала много всего об американских авторах — как переведенных на французский язык, так и не переведенных, и о том, как трудно раздобыть англоязычные книги даже в космополитическом Париже.

— К тому же, — признала Адриенна, на миг скромно опустив пушистые ресницы, — мой английский недостаточно хорош для чтения великой литературы в подлинниках.

— Ну, всё впереди, — заверила Сильвия, ощущая, как растет и плавится ее сердце. Какие-то искорки проскакивали между ними двумя, и она не сомневалась, что дело было не только в интересе к книгам. От этой мысли у нее вспотели ладони.

— Вот ты где, Адриенна, — пропел из-за спины Сильвии восхитительно-мелодичный голос.

Обернувшись, она оказалась лицом к лицу с чарующей болезненно хрупкой красавицей с копной густых, отдающих в рыжину светлых локонов, собранных на макушке; ее наряд был таким же бесхитростным, как у Адриенны, разве что долгополая юбка и аккуратно застегнутая блуза совсем по-другому смотрелись на ее почти бесплотной фигурке. Ее пальцы, длинные и тонкие, казалось, порхали в воздухе сами по себе, как будто не до конца подчиняясь своей хозяйке. А когда они легли на более короткую и широкую руку Адриенны, Сильвия уловила намеренность этого жеста и мгновенно поняла, что двух женщин связывают любовные отношения.

---

* Натаниэль Готорн (1804–1864) — один из первых и наиболее известных американских писателей, мастер символизма и аллегии. Автор романов в стиле темного романтизма и новелл. Генри Торо (1817–1862) — американский писатель, натуралист, эссеист, поэт и философ; один из ведущих представителей трансцендентализма..

А она-то было решила, что между ними с Адриенной завязался флирт. Во всяком случае, они уже перешли с чопорного *vous* на более непринужденное *tu*.

Теплота и обожание, с какими Адриенна улыбалась Сюзанне, стоявшей теперь рядом с ней, больно царапнули сердце Сильвии. Да, этих двух женщин связывало нечто особенное, друг с другом и с лавкой. Нечто, чего так долго искала она сама, не понимая, что ей оно желанно — и *нужно*, — пока с ним не столкнулась. Могла ли Сильвия сделать так, чтобы оно случилось и с ней? И что *оно* вообще такое? Сильвия вдруг почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног, что все окружающее выбивает ее из колеи: и эта лавка, и эти женщины, и полчища книг на полках, и баритоном звучащий гомон покупателей.

— Сюзанна, — сказала Адриенна, — знакомься с нашим новым другом Сильвией Бич из Соединенных Штатов. Сильвия, это Сюзанна Бонньер, мой деловой партнер.

Сильвия с излишним энтузиазмом выбросила вперед руку, которую Сюзанна пожала, кажется, слегка тому позабавившись.

— Рада знакомству, мадемуазель Бич.

— Лучше просто Сильвия, — отозвалась та и прибавила: — Что за чудесный у вас магазин, здесь так уютно и располагающе, и книги только самые лучшие.

Правда, Сильвию немало удивляло, отчего на вывеске не указано имя Сюзанны. С другой стороны, размышляла она, как ни обворожительны Монье и Бонньер, как ни созвучны они друг другу, поставь они рядом свои имена, это выглядело бы чересчур откровенно и вольно, как Париж и смотрит на подобные вещи. Не далее как позапрошлым вечером Киприан засунула Сильвию в брючный костюм, а сама обрядилась в платье с блестками, и, на время поездки в метро спрятав наряды под долгополыми плащами, они отправились в новый бар на бульваре Эдгара Кине, посещаемый исключительно женщинами, половина из которых носили монокли

и гетры. Снаружи заведение выглядело как обычная местная забегаловка, на маленьком козырьке над входом значилось просто «БАР». Но когда они оказались внутри, кричащая откровенность атмосферы сейчас же заставила Сильвию почувствовать себя не в своей тарелке. Она постаралась расслабиться и насладиться тем, что живет в стране, где могут процветать подобные заведения, где можно честно и откровенно признаться себе в собственных влечениях, где женщина в твидовом костюме и кепи смело распевает песни Билла Мюррея*; такое право даже защищалось законом, потому что еще Французская революция отменила уголовное наказание за однополые отношения. Но Сильвии претило ощущать себя частицей большинства, одной из многих. Ее внутренний читатель явно предпочитал изысканную недосказанность неброского *А. Монье*.

— О, спасибо на добром слове, — ответила Сюзанна. — Мне не доводилось бывать в вашей стране, зато я слышала и читала о ней столько всего замечательного. Что ни говори, она всегда вдохновляла Францию своим примером.

— Возможно, в моей стране и правда много всего прекрасного, но я рада, что живу во Франции, — отозвалась Сильвия, вспоминая цензуру, введенную законами Комстока и Законом о шпионаже**, и утомительную тяжелую борьбу за избирательные права женщин, и возмутительную идею запретить алкоголь, захватывающую

---

* Билл Мюррей (1877–1954) — один из самых известных певцов в США начала XX века.

** Закон о шпионаже был принят 15 июня 1917 года, вскоре после вступления США в Первую мировую войну. Помимо уголовной ответственности за помощь противнику в проведении диверсий и разведки он запретил противоправное использование почтовой связи, непредусмотренное законом владение документами, представляющими интерес для иностранного государства во вред национальной безопасности. Законы Комстока, принятые 3 марта 1873 года, среди прочего ввели запрет на отправку Почтовой службой США литературы, содержащей непристойности, а также таких предметов, как средства для контрацепции, сексуальные игрушки и т. д.

штат за штатом со скоростью лесного пожара. Казалось, в Америке теперь приживаются инициативы, еще недавно казавшиеся слишком нелепыми, чтобы воспринимать их всерьез, тогда как все здоровое и разумное, что способствовало бы прогрессу страны в новом веке, наоборот, чахнет и сходит на нет.

— Мы тоже рады, что вы здесь, — просияла Адриенна.

— Вы просто обязаны прийти к нам сегодня на чтения! — воскликнула Сюзанна. — Будут наши дорогие друзья Валери Ларбо и Леон-Поль Фарг. И Жюль Ромен тоже. Вы же знаете этих писателей, верно?

— Конечно, приду! Сочту за честь. — От захватывающей перспективы у Сильвии похолодело в животе. *Неужели Жюль Ромен? Vraiment?** Нашлась бы она, что ему сказать?

— Подходите к восьми. Мы больше не обращаем внимания на воздушные налеты.

Что ж. Позже, в Пале, Сильвия от переполнявших ее впечатлений никак не могла усидеть за маленьким письменным столом и сосредоточиться на испанском эссе. Ее постоянно дразнил легкий запах пыли и лаванды, напоминающий ей об А. Монье — и о самой лавке, и о ее владелице, — но всякий раз, зарываясь носом в рукав, чтобы отыскать источник аромата, Сильвия только убеждалась, что он ей почудился.

Она не могла отделаться от мысли, будто ее нынешняя рассеянность лишний раз подтверждала, что ей не суждено быть писателем, несмотря на огромное количество прочитанных ею книг и твердую уверенность окружающих — от родителей и сестер до старинной подруги Карлотты Уэллс, — что она им непременно станет.

— В тебе сидит Уолт Уитмен, — говаривал ее отец, когда она приносила очередную высокую оценку за школьное сочинение. — Я это знаю, и всё тут.

Но куда там сочинениям до стихов или романов. Сколько ни пробовала себя Сильвия в поэзии и прозе,

---

* В самом деле? (франц.)

всегда получалось что-то не то. А великого Уитмена она обожала. Помышлять о том, чтобы даже отдаленно сравниться с ним, или, если на то пошло, с Кейт Шопен*, или кем-то из сестер Бронте, — казалось ей чуть ли не кощунством. С годами не становилось легче: повзрослев, Сильвия увлеклась литераторами, которые, как она видела, успешно продолжали и приумножали наследие Уитмена, воспевали себя и мир с такой поразительной откровенностью, что, дочитав очередное произведение, она, бывало, по полночи ворочалась в постели, мучаясь вопросами: *«Как они это делают? Как проникают в сокровенные глубины моего существа, берут меня за душу, берегут ее, томящуюся взаперти телесной клетки?»* Так было в особенности с «Пробуждением» Шопен и еще — с «Портретом художника в юности» Джеймса Джойса. Господи, даже при мысли об этих романах она ощущала, как внутри закипает лава вожделения, восторга и зависти. Вся в поту, Сильвия металась среди простыней, ошеломленная откровенной прямоотой, с какой они описывали человеческое тело и его потаенные вожделения, чувство вины и последствия этих вожделений, складывая слова в смущающие душу предложения, обнажавшие такой, как она есть, природу душевной сумятицы их персонажей.

Сумеет ли она когда-нибудь писать столь же смело, зная, что ее нежно любимый отец-священник прочтет каждое написанное ею слово? Одно дело, что он молча мирился с ее положением старой девы и, возможно, даже с ее эпизодическими вспышками сапфизма. Что ни говори, а он никогда не толкал ее к замужеству и не задавался вопросами по поводу ее дружб с женщинами, хотя они обычно охватывали весь спектр — от чисто платонических до, хотя и изредка, душещипательно интимных. Но совсем другое дело было бы, отважась она

---

* Кейт Шопен (1850–1904) — американская писательница, одна из основоположниц феминизма. За свой самый известный роман «Пробуждение» (1899) обвинялась в безнравственности.

описывать собственные желания с такой же прямоотой, какая восхищала ее в новых вещах, с недавнего времени появившихся в литературных журналах более прогрессивного толка.

Хватило бы ей духу описывать собственные сокровенные желания со всей страстностью, но при этом не предавая себя? Годились бы ее сочинения, чтобы заполнить страницы ее любимого журнала «Литтл ревью»*, редактор которого, Маргарет Андерсон, в 1916 году дерзнула выпустить его в виде двадцати с чем-то полосной тетрадки из девственно-чистых страниц с единственным собственным примечанием, что она более не желает печатать *более-менее добротную* литературу, ибо все напечатанное ею обязано быть истинным Искусством? Искусством, способным преобразить мир. Сильвия всей душой и всем сердцем верила, что *в этом* и есть предназначение Искусства — быть новым, вызывать перемены, изменять умы.

Помнится, ее мама в ответ на очередное высказывание отца по поводу сидящего в Сильвии Уитмена заметила: «Или, может, она станет новой Элизабет Кэди Стэнтон**». И почему это ее родители вечно норовили рядить ее в ей тоги великих, явно ей не по размеру? Не их ли невольными стараниями Сильвия всегда втайне ревновала к актерскому успеху Киприан?

Именно Киприан она в некотором смысле обязана тем, что сейчас они живут в Париже, так что Сильвии больше пристало бы испытывать к ней благодарность. Ее сестра играла персонажа, периодически появлявшегося в популярном еженедельном фильме-сериале

---

* The Little Review — основанный М. Андерсон в 1914 году нью-йоркский литературный журнал, ставший самым влиятельным в 1910–1920-х годах, печатал среди прочих У. Б. Йейтса, Э. Паунда, У. Стивенсона, Дж. Джойса.

** Элизабет Кэди Стэнтон (1815–1902) — американская писательница и активистка, сыграла важную роль в раннем движении за права женщин. Считается, что ее «Декларация чувств» инициировала появление первых организованных движений за равноправие и избирательные права женщин в США.

«Жюдекс»*, который настолько полюбился зрителям, что Киприан частенько останавливали на улице с просьбами об автографе, а иногда даже просили его и у Сильвии, принимая ее за подающую надежды восходящую звездочку, ошивающуюся в лучах славы и великолепия истинной кинозвезды. Сильвия послушно расписывалась, вздыхая про себя, что так уж оно повелось между ней и ее младшей сестрой. Она и в свои тридцать лет втайне возмущалась, что Киприан доволен лишь ее красотой и эффектных *нарядов*, чтобы приковать к себе всеобщее внимание, тогда как сама Сильвия упорно трудилась в библиотеках и за письменным столом, лелея надежду, что когда-нибудь ее слова и идеи, возможно, будут замечены публикой.

— Да ну их, вечно одни молокососы и девчонки, — жаловалась Киприан, в очередной раз расписавшись на салфетках и картонных подставках под кружки. — Где, спрашивается, герцоги, где другие состоятельные поклонники?

— Ты и так знаешь, что они существуют в природе, милая сестричка. Иначе кто присылает тебе в «Ритц» все эти бутылки «Перно» и «Вдовы»? *И вообще, мужского внимания ты добиваешься только ради положения в обществе.*

Киприан с большей охотой связала бы себя замужеством, чем Сильвия, которая давно уже зареклась от брака, даже фиктивного, что мог бы обеспечить ей какие-никакие средства к существованию и послужить ширмой. Но идея соединить свою личность с личностью мужчины, пускай даже предпочитающего в постели другого мужчину, нисколько не привлекала ее. Подобный союз, как она замечала, почти всегда означал поглощение одного другим. И пускай Сильвия была одной из очень немногих посвященных, знавших, что ее сестре куда

---

* Немое многосерийное кино 1916 года в жанре приключений и криминала. По сюжету мститель Жюдекс противостоит парижскому коррумпированному банкиру, утопавшему в чрезмерной роскоши.

милее внимание женщин, Киприан любила выставлять себя перед мужчинами в самом выигрышном свете, а это позволяло ей одеваться у «Шанель» и скупать итальянскую обувь, потакая страсти к изящным вещам, унаследованной от матери.

— Вот бы мне получить роль *на сцене*, — нередко вздыхала Киприан. — Тогда они могли бы заваливать цветами мою примерную.

Наконец подошло время возвращаться на улицу Одеон, куда Сильвия поехала на метро, а затем еще с полчаса прогуливалась по брусчатке перед расположенным здесь же театром «Одеон», курила одну за другой сигареты и перебирала, на какие темы можно поговорить со *знаменитыми писателями*, но потом сказала себе, что поступает глупо, и решительным шагом направилась в лавку Адриенны.

В летних сумерках светильники источали тусклый свет, зато разговор в лавке искрился блеском. Адриенна с Сюзанной фланировали среди гостей, подливали напитки, легонько касались спин и шутили. В особенности Адриенна — гости прямо-таки соревновались за шанс перехватить ее. Истинная Гестия своего книжного очага, она была поглощена серьезной и глубокой беседой с небольшой группкой гостей, когда Сюзанна представила Сильвию Валери Ларбо и Жюлю Ромену. Те, словно давние знакомые, непринужденно расцеловали ее каждый в свою щеку.

— О, Монье уже много чего рассказала нам о вас, — сообщил Сильвии Ромен. — Что вы увлеченный читатель, а еще поклонница американских трансценденталистов*. Скажите же скорее, нравится вам Бодлер? Я имею в виду того же периода здесь, во Франции?

— О, конечно. Его «Цветы зла» оказали огромное влияние по обе стороны океана, — ответила Сильвия,

---

* Трансцендентализм — философско-литературное течение, сформировавшееся в первой половине XIX века в США. Среди его представителей были Р. У. Эмерсон, Г. Д. Торо, С. Х. Уитман, Н. Готорн и другие.

чувствуя, как согревается в лучах его одобрения. Потом они некоторое время говорили о литературе девятнадцатого века, и разговор плавно перетекал с предмета на предмет, от недавно вышедших романов и поэзии к окончанию войны и перспективам развития литературы во Франции.

Здорово. Все прочитанное, как я вижу, начинает приносить свои плоды.

Легкое щекочущее прикосновение чьей-то руки, которое Сильвия ощутила на своем локте, заставило ее так вздрогнуть, что из ее бокала выплеснулось немного вина. *Адриенна.* Сильвия повернулась от Ларбо и Ромена к хозяйке вечера, та с улыбкой расцеловала ее в обе щеки, и она вернула Адриенне приветствие, хотя и сжатыми от смущения губами.

— Как тебе здесь, друг мой, хорошо проводишь время? — спросила Адриенна и, не дожидаясь ответа Сильвии, перевела взгляд на двоих мужчин. — Надеюсь, вы оказали достойный прием нашему новому американскому другу?

— Очень даже достойное, — поспешила заверить всех Сильвия.

— И как водится, Монье, — заметил Лабро, — ты добавила в эту сокровищницу еще один алмаз.

Казалось невероятным, что такое говорят о ней. Или что какой-то час назад она так нервничала. Сейчас Сильвия чувствовала себя здесь как дома, словно всю жизнь заживала в этот магазинчик. И все же она вся трепетала будто в предвкушении нового приключения, погружения в омут неизвестного.

— Ну же, нечего краснеть, милая Сильвия! — засмеялась Адриенна. — Уже в тот миг, когда я впервые увидела тебя, я знала, что ты сокровище.

— Видишь ли, моя сестра — актриса, так что я привыкла, что все считают сокровищем ее, а не меня.

— Актриса? — вопросительно изогнул бровь Ромен. — Мы могли где-то ее видеть?

— «Жюдекс». Выходит каждую неделю.

Оба мужчины раскатисто захохотали, от вина их щеки еще сильнее покраснелись.

— Ну их, не обращай внимания, — сказала Адриенна, игриво похлопывая Ромена по руке, пока он пытался совладать с собой. — Они же отъявленные снобы, и притом наихудшего сорта. Лично я люблю кино, и даже некоторые драмы с продолжением. А «Жюдекс» еще не смотрела. Думаю, нам надо на него сходить.

Вот оно, снова. Сильвию пробрала *frisson* — нервная дрожь. И почему французский язык так выразителен во всем, что касается влечения?

— Обязательно сходим. Киприан наверняка будет в восторге.

— Сюзанне тоже понравится.

Сюзанне. И как это я о ней забыла?

А вот и она, словно услышав их разговор, появилась рядом, громко чмокнула Адриенну в щеку и сердечно, как старинных знакомых, поприветствовала мужчин — напомнив Сильвии, что та здесь новичок, посторонняя, что как бы тепло ее здесь ни приняли, ничто здесь в действительности ей не принадлежало.